

Антонимичные семантические области 'рождение' и 'смерть' (на материале архангельских говоров).

Коконова Анна Борисовна

аспирант

Московский Государственный Университет им.М.В.Ломоносова, Москва, Россия

annakokonova@gmail.com

Семантические области рождения и смерти являются антонимическими смысловыми областями. Слова *рождение* и *смерть*, возглавляющие эти структуры, являются полными антонимами: слово *смерть* обозначает окончание жизни, а слово *рождение* – начало жизни. Более привычная для носителей литературного языка антонимическая пара *жизнь-смерть* представляет смерть в одном из значений: 'небытие, которое начинается после конца жизни' [НОС: 379].

Каждая из рассматриваемых смысловых областей является сложно организованной структурой и включает в свой состав различные компоненты: вербальные, предметные, акциональные. Так как рождение и похороны обязательно подчинены соответствующим обрядам, в данных семантических полях пересекаются и сочетаются языковой, фольклорный и ритуальный планы. В результате мы имеем дело со сложным образованием, в котором можно выделить некоторые сходные подсистемы: персонажную (участники обряда и лица, над которыми осуществляются обрядовые действия), предметную (предметы, используемые в обряде), акциональную (ритуальные действия) и вербальную (лексическое наполнение обряда).

В наши задачи не входит этнографическое описание родильного и погребального обрядов; цель данной работы – выявление структурных, семантических и лексических соответствий в области рождения и смерти.

В центре обрядов – новорожденный ребенок и покойник. Оба рассматриваются как опасные существа, принадлежащие иному миру. Обрядовые действия должны уничтожить опасность, и, в одном случае, изолировать ее источник, а в другом – сделать «чужое» «своим».

В обоих случаях меняется статус центральных для обряда лиц: покойник переходит в категорию *родителей*, т.е. «виртуальных членов социума, общение с которыми урегулировано в рамках поминальной обрядности» [Кормина: 206]; ребенок обретает имя и становится полноправным членом социума.

Помогают совершить обряд такие персонажи, как *повитуха* и *обмывальщица*. Обе должны быть женщинами нерепродуктивного возраста и обязательно уважаемыми в своем сообществе.

Одним из первых обрядовых действий в обоих случаях является обмывание. Это действие связано с уничтожением человеческих качеств у покойника и с приданием человеческих качеств и черт ребенку [Байбурин:107]. Заметим, что покойника моют от головы к ногам, т.е. вниз, а ребенка – от ног вверх, чем и маркируют принадлежность одного земле и смерти, а другого – росту и жизни.

И покойнику, и младенцу делают новый дом: гроб и колыбель, которые соотносятся как первый и последний дом. Они похожи по форме: в головах шире, в ногах – уже.

Интересна связь колыбели, гроба и веревки. На веревках гроб опускают в могилу, и веревкой же качают колыбель. Различается только вектор этого движения: гроб движется вниз, в землю, а ребенка укачивают по направлению вверх, прогнозируя его быстрый рост. [Головин: 40-45]

«Чужеродность» ребенка и покойника отмечается и с помощью одежды. У младенца ее, по сути, нет: новорожденного заворачивают в старый материн сарафан или отцовскую рубаху. Одежду для покойника шьют, но не так, как для живых: она всегда остается незавершенной.

И рождение, и смерть связаны с понятием доли. Доля - это «часть некоего целого, доставшаяся отдельному человеку и находящаяся во взаимозависимой связи с другими частями, долями» [Седакова: 56]. Рождение подразумевает наделение человека долей, а смерть связана с ее перераспределением. Символом этого распределения является каравай, который приносит в дом каждый гость, приглашенный «на кашу» к новорожденному и пироги, которые раздают соседям родственники покойного.

Оба обряда сопровождаются пением: над покойником плачут, причитают, а ребенку поют колыбельные. На сходство символики колыбельных песен и причитаний обращают внимание многие исследователи [Головин: 45], [Хафизова: 175]. Это сходство может быть обусловлено пониманием сна как смерти: сон – это временная смерть, посещение «того» мира, в котором младенец может получить необходимые ему силы и здоровье (там же).

Как мы видим, некоторые черты обрядов обладают полным сходством, в то время как другие являются зеркальным отражением друг друга. Такая синкретичность, по нашему мнению, вполне оправдана: сходства наблюдаются в тех частях обряда, которые связаны с младенцем и покойником как с выходцами из «другого» мира. Здесь они идентичны и представляют собой одинаковую опасность для живых. Зеркальным отражением являются апотропеические (т.е. защитные) части обрядов, и в этом случае участники обряда задают направление дальнейшим действиям: вверх или вниз, к принятию или к отторжению.

Итак, семантические области рождения и смерти являются антонимичными фрейм-структурами, совпадающими по набору основных компонентов, что и позволяет их сопоставлять. Оба фрейма организуются вокруг центрального объекта, на который направлены все действия и который является отправной точкой всех ситуаций, входящих в данный фрейм. Фрейм-структура смерти является более четко организованной структурой с большим количеством элементов, в отличие от фрейма рождения. Причины этого, на наш взгляд, следующие: родины как обряд являются более тайным, сакральным знанием, которое практически полностью исчезло с исчезновением носителей этого знания – повивальных бабок. Вмешательство медицины свело на нет важнейшие части обряда и привело к разрушению родин как обрядового комплекса. Сохранившиеся фрагменты обряда указывают на то, что фрейм-структура как таковая все еще имеется, но она не обладает такой цельностью, как фрейм смерти.

То, что погребальный обряд сохранился более полно, чем родильный, связано, вероятно, и с тем, что семантическая область смерти организуется одноименным концептом – а концепта рождения в русской ЯКМ, скорее всего, не существует. Представления о смерти заложены в нашей культуре на глубинном уровне и вызывают многочисленные ассоциации. Все это обеспечивает и большую сохранность обряда, и, следовательно, большую сцепленность элементов фрейма между собой и их соответствующее функционирование в речи (и в сознании) диалектоносителей.

Литература:

1. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С.107
2. Головин В.В. Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи в традициях и народной культуре. М., 2001. С.40-45
3. Кормина Ж.В., Штырков С.А. Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта севернорусской традиции) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001. С.206
4. НОС: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под ред. Ю.Д.Апресяна. М., 1997. Вып. 1. С.379
5. Седакова О.А. Тема "доли" в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С.56

6. Хафизова Л.Ф. Персонажи колыбельных песен // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М, 2001. С.175

1. Коконова А. Б. Антонимичные семантические области 'рождение' и 'смерть' (на материале архангельских говоров) // Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2008. – С. 188-191.